

Здравствуй дорогой дедушка,
Александр Михайлович!

Совсем недавно мы отпраздновали 68-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне над фашистской Германией. И в этом году для нашей семьи еще одна скорбная дата - двадцать лет тебя нет с нами. Война нагнала тебя в 83-ом, когда ранение дало о себе знать и спровоцировало инсульт.

Ты, наверное, удивился, если бы узнал, сколько почестей и всяческих льгот предоставляет теперь государство ветеранам войны. Тебе от них ничего не досталось. Но о них, ваше поколение и не думало. Защищая свою Родину, вы не мечтали о наградах и льготах. Я помню твои медали за Отвагу, которые ты хранил в картонной коробочке из-под печенья. Ты никогда не ругал нас, своих внуков, за наше любопытство, и даже разрешал нам их надевать, когда мы играли в очередную «войну».

В своей деревне ты считался безобидным увальнем, не умел обижаться на своих односельчан, а только подсмеивался над их глупыми и злыми языками. Всем женщинам перед покосом пробивал косы, ведь у них мужья не пришли с войны, а у некоторых и пришли, да пили «горькую». Вставал очень рано, с первыми лучами солнца, и бил молоточком по затупившемуся лезвию.

А потом, уже в семидесятые годы, когда ушел на заслуженную пенсию, стал разводить пчел. Всего-то четыре улья стояло в твоём огороде, но с какой ласкою ты с ними возился. Мне было всегда интересно, почему бабушку пчелы постоянно кусали (грядки-то были рядом с ульями), а по тебе ползали и не трогали. Наверное, тоже тебя любили, как и ты их. И мед ты никогда не продавал, не оставалось у тебя на продажу меда. У кого ангина, у кого простуда – все шли к тебе: «Лексан, дай немножко медку на лекарство». И ты наливал кому стакан, а кому и пол-литровую банку. А когда бабушка ругалась на тебя, чтоб ты деньги с просителей брал, ты спокойно отвечал: «Где они еще возьмут, да и денег у них нет». А то и правда, пчеловодов у нас тогда в нашем колхозе было очень мало. От пчел ведь на работу не уйдешь – присмотр постоянный нужен, как бы не зароились, да не улетели.

А уж про то, сколько пальто и фуфаек ты пошил для своих родных и знакомых, про то и отдельно сказать не грех. Ткани никакой не было – и ты перелицовывал старые довоенные одежды сначала взрослым, а потом из них же уже шил и детские пальтишки, телогреечки, сшил множество фуфаек (очень «модная» одежда была у колхозников). Сейчас редко кто знает, что такое перелицованное пальто - это когда изношенное пальто распарывают и шьют по новому, выцветшей тканью внутрь, то есть наизнанку. А я до восьмого класса ходила в таких пальтишках.

На твоих похоронах, все женщины плакали: «Добрейшей души был Лексан».

И мало кто знает, как тяжело пришлось тебе с такой доброй душой воевать, убивать, хоронить друзей. Никому не рассказывал ты о войне. Когда я просила тебя прийти на школьный урок, всегда отказывался: «Без меня

есть, кому рассказать». Когда мужики, дымя своими «козьими ножками» – самокрутками, начинали разговор о войне, о том, какая бойня была на фронте, молча вставал и уходил по каким-либо делам. И только из бабушкиных рассказов я узнала, что ты был ранен, освобожден от службы, но до конца войны оставался в каких-то военных лагерях около Балахны, где шил шинели, рукавицы для фронта. И как она с другими женщинами, с котомкой наперевес, где лежали лепешки, вареная картошка и яйца ходила туда пешком, чтобы повидаться с тобой. И от работы их тогда освободили на три дня. Война вырвала из вашей жизни самые интересные годы – вашу молодость, на всю оставшуюся вам жизнь нанесла незаживающие раны.

Глупая моя молодость тогда не понимала, что вы нам дали такое счастье – мир. Мое поколение не знало войны. Но для меня еще более ценен тот факт, что и мои дети тоже не слышали свиста пуль и разрывов снарядов. Вы всему миру преподнесли урок – бесполезно воевать с Россией, наша страна непобедима.

Наше уже немолодое поколение и поколение ваших правнуков благодарны вам еще и за то, что, несмотря на послевоенные голод и разруху, вы трудились не покладая рук, без выходных и праздников, чтобы возродить былое могущество страны, своего села. Вы вырастили нас, поставили на ноги, дали образование. А ведь бабушка умела писать только свою красивую фамилию – Леснова, читать совсем не умела.

Дорогой мой дедушка, Александр Михайлович, если б ты знал, как я скучаю по тебе, особенно в те дни, когда вижу ветеранов с орденами и медалями, и как жалею, что упустила то время, когда нужно было сказать, что люблю тебя всем сердцем и безмерно уважаю за твою Победу и за твой труд.

Твоя внучка Вера